

Николай Успенский

Федор Петрович

Николай Васильевич Успенский

Федор Петрович

«Федор Петрович держал хорошую водку, ездил каждое воскресенье в церковь, где с необыкновенным приличием пел басом, бывал на каждой годовой ярмарке в соседних городах, торговал лошадьми и считался, по справедливости, одним из первых знатоков по этой части, поздравлял в высокаторжественные дни богатых помещиков, которые без закуски его не отпускали, и всегда ездил на отличной лошади, которую, однако, готов был продать кому угодно...»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0020
III.....	.0039
IV.....	.0055
V.....	.0067
VI.....	.0074

**Николай Васильевич
Успенский
Федор Петрович**

На большой дороге, уже забытой извозчиками, стоит кабак, история которого теряется в отдаленной древности, так что старики лет девяносто от роду помнят этот кабак и в своих рассказах о старине нередко упоминают об нем, как о притоне чуть не денного разбоя. Все на том же месте стоит он, как и прежде: та же колдобина перед ним, в которой в осеннюю пору купались извозчики, а теперь купаются случайные проезжие; та же ветла, когда-то зеленевшая, а теперь издающая своими голыми сучьями, пронизываемыми ветром, грустное завывание.

Дорога, по причине проложенного верстах в десяти шоссе, совсем забыта. Только летом иногда пройдут по ней богомольцы или хохлацкие гурты, обозначая свой путь сторевшим и кострами и ямами для котлов; но давно уже нет длинных обозов, с гигантскими, клейменными кулями, с бочками и хмельными извозчиками, рогожами, крупчаткой, кожами. Забыты глубокие овраги, в которых прежде, в дождливое время, совершались на-

родные драмы, задыхались и умирали лошади при отчаянных криках извозчиков, лежали опрокинутые возы, сломанные телеги и вдруг наступала бесконечная, осенняя ночь. Запустели эти овраги, как отмененные эшафоты, и разгуливают по ним теперь волки и лисицы; вороны и коршуны молчаливо сидят над ними, ожидая появления быстрого зайца. Уцелел только от прежних времен ветхий мостик над водомоинной, под которым прежде, в ночную пору, посиживали незнакомцы с дубинами.

Лет пять тому назад в упомянутом кабаке жил сиделец Федор Петрович, меццанин высокого роста, с черными глазами, лет тридцати пяти. Этот человек совмещал в себе качества, требуемые положением сидельца, качества – необходимые для того, чтобы вернее наживать деньги. Вежливость, аккуратность, всегдашняя трезвость и знание людей, изнанку которых Федор Петрович имел возможность рассматривать в своем кабаке, были основными чертами его характера. Это был тип, какой только может выработать наша народная жизнь с ее коловратностями, отсутствием

уверенности, что завтра покрытый соломою дом не сторит, не явится становой, как молния с небес, что не выдаст и не надует родной брат. Федору Петровичу, как характеру и как явлению, может соответствовать озимовый злак, претерпевший поправление скотины, пасшейся на нем, и превратившийся в высокую рожь. Совершенством своего приспособления к жизни Федор Петрович мог поразить даже любого зоолога.

Федор Петрович держал хорошую водку, ездил каждое воскресенье в церковь, где с необыкновенным приличием пел басом, бывал на каждой годовой ярмарке в соседних городах, торговал лошадьми и считался, по справедливости, одним из первых знатоков по этой части, поздравлял в высокаторженственные дни богатых помещиков, которые без закуски его не отпускали, и всегда ездил на отличной лошади, которую, однако, готов был продать кому угодно.

Так как посещали *кабак* лица разных сословий, то Федор Петрович с каждым из своих гостей обходился сообразно его званию и даже привычкам. С мужиками он говорил обык-

новенно покровительственным тоном, делал иногда краткие наставления, а если они, подвыпивши, сочиняли драку, то он выталкивал их без церемонии в шею. Мужику, особенно привязавшемуся к кабаку, целовальничиха давала крендель с передачею его детям. Какому-нибудь старшине, как начальнику разных сходок, Федор Петрович подавал руку, непременно предлагал папиросу и угощал «красненьким»... С лакеями и духовными он обходился приветливо и всегда потчевал их до отвалу, зная, что эти люди помешаны на угощении, да и пригодятся со временем, так как они играют в деревнях роль журналистики и от них зависит возвысить человека в общественном мнении или опозорить. Перед баринном Федор Петрович не гнул, но был вежлив и, развязно откупоривая бутылку хересу, спрашивал: здорова ли барыня и как псарня, если такая была у помещика. С прасолом целовальник вел себя сухо, но всегда запросто, ибо чувствовал, что если сам он в некотором смысле – коса, то прасол наверное камень, также и наоборот; во всяком случае, для прасола стоял хороший стакан водки на стойке.

– Что гнедой-то?.. – спрашивал целовальник.

– Не подходит статья... давал билет с столбиками...

– Спехову надо всучить... она ему пойдет в корень... А бурый?

– Сивогривому сблаговестил... пять кра-
сеньких... на ноги села!

– Надо сбалабошить саранчу-то Ямовско-
му... тут барин из Питера приехал.

– Слышу!.. А Сенька-то что же?

– Ну, вон! очнись! Уж он своих в Елец по-
гнал...

Если в кабаке приезжал лакей или духов-
ное лицо, то на стойке являлся графин с трав-
ником и крендели. Хозяйка, угощая гостя, го-
ворила:

– Нуте-ко... пожалуйста... закусите... на до-
рожку... посошок!

– Душевный человек!.. – твердил потом
пьяный гость, лежа в своей телеге, стучавшей
по большой дороге.

Мужики, лишь только выпивали по стака-
ну, начинали хвалить целовальника.

– У нас много было кабатчиков, Федор Пет-

рович, а чтобы как ты, не было и не будет. Вот тебе образ!

На эти похвалы Федор Петрович не обращал никакого внимания и, стоя за стойкой с золотой цепочкой на жилете, постукивал костяшками на счетах и вполголоса говорил жене:

– Ивану-то Михалычу отпустили?

– Отпустили! – отвечала жена, расставляя на полке какой-нибудь ратафий^{1}, причем ярко сверкали ее продолговатые серьги, мотаюсь в разные стороны.

Когда мужики начинали между собой ссориться, в это время Федор Петрович выходил из-за стойки и говорил:

– Вот что, ребята! пить – пейте сколько душе угодно, и кричите, и песни пойте, а ругаться дурными словами тут нельзя. Здесь место казенное, государственное, зачем-нибудь орел-то прибивается к кабаку: вы неграмотные, так подите сюда, я вам прочитаю...

Федор Петрович подводил мужиков к печатному листу, висевшему на стене, и читал:

– Братие! почто убо?.. и т. д.

– Федор Петрович! приятель! ты нас разбя-

ри! разя мы не чувствуем? Мы тебе, к примеру, задолжали и завсегда просим покорно...

– Про долг, – отвечал хозяин, – я вам ничего не говорю! Я поверю вам на сколько угодно; ну, а ругаться здесь нельзя... Слышишь, что святые люди приказывают... Зачем безобразничать?.. у меня жена, подумай ты это!..

– Вишь, Митрей, что он говорит-то?

– Пойдем, шатлый! Зачем обижать хозяйна? Выпили, и слава богу! Федор Петрович! песню, ты говоришь, можно? Родной!

Для барина, заезжавшего в кабак с охоты, доставалась бутылка хересу.

– Чайку не прикажете ли?

– Благодарю! до дому недалеко.

– Ну, как охотка? удачна ли?

– Представьте себе: волка выгнали... в Зарытом верху... глядь: катит! бросили борзых... люлю!.. он в лес – и поминай как звали! одноко пробылой!..

– Хереску пожалуйста! так и ушел?

– Ничего нельзя было сделать... я ведь охотился на своей гречихе... она, знаете ли, только всходит... как люлюкнули! уж борзые приняли было в добор! ушел, каторжный.

– А то прикажите самоварчик?

– Нет, не надо!

– Ну, что, Петр Петрович, нет ли чего-нибудь новенького в газетах? – спрашивал целовальник.

– Ничего не читаю.

Верстах в четырех от кабака, на проселочной дороге, стояло село Ямовка, состоявшее по крайней мере из трехсот мужицких дворов. В этом селе установлены были целые четыре праздника в году в честь разных угодников, поэтому четыре раза в год к кабаку Федора Петровича устремлялись многочисленные ватаги мужиков с жбанами, сулейками и ведерными бочонками, кроме разных побочных случаев, например свадеб, крестин, похорон, вызывавших подобные же приливы доходов в кабак. Неизбежным следствием такого рода отношений, с давних времен существовавших между кабаком и ямовскими жителями, было то, что вся Ямовка запуталась в долгах у Федора Петровича, как муха в сетях паука, так что стоило только целовальнику появиться на дворе должника, чтобы обрататать любую скотину. Но к чести Федора Петровича надо

сказать, что к таким безбожным мерам он никогда не прибегал, на что, впрочем, он, как опытный паук, имел свои резоны! У Федора Петровича были такие соображения: хотя кабак приносил и хороший доход, несмотря на то, он был решительно не на месте. Находишься он в самой Ямовке, покупателей было бы несравненно больше, так как в Ямовку каждое воскресенье ездило к обедне несколько посторонних деревень, да и сама Ямовка потребляла бы водки не в пример больше прежнего, к чему могла располагать самая близость кабака. Кроме того, собирать с мужиков долги было бы удобнее: тогда от целовальника не ускользнул бы ни один должник; между тем как теперь, пользуясь расстоянием, отделившим село от кабака, ямовский мужик стороной отвозил хлеб в город, получал за него деньги и втихомолку тратил их на свои нужды, отсрочив платеж целовальнику на неопределенное время. Будь кабак в Ямовке, этого не могло бы случиться: тогда насыпал ли мужик воз ржи, даже просто оделся ли в полушубок, Федор Петрович как раз с вопросом: «Куда собрался, Иван?» Словом, жертва

была бы у самого рта. Таким образом, единственной, заветной мечтой Федора Петровича было – перенести кабак в Ямовку. Но пока сделать этого было нельзя: все зависело от ямовского барина, который жил постоянно в Москве; крестьянский сход мог дать *местечко* для кабака и на своей земле, но опять не иначе, как с согласия и даже разрешения барина. Так Федор Петрович и сидел в поле, разделенный от своей возлюбленной Ямовки целыми четырьмя верстами, на протяжении которых можно было ловить добычу одними щупальцами.

В один весенний день разнеслась весть, что из Москвы приехал в Ямовку в качестве управляющего какой-то богатый барин, друг и приятель самого владельца. Федор Петрович приободрился. Он увидал, что от нового управляющего зависит вся его судьба, и стал думать, как ему начать действовать? Но прежде всего целовальник счел за лучшее не торопиться, зная по опыту, что чем дело важнее, тем более оно требует хладнокровия и спокойного обсуждения. Федор Петрович на первом плане решил сблизиться с прислугой

нового барина, что и начал приводить в исполнение.

Однажды летним вечером целовальник сидел с своей женой за самоваром. К кабаку подъехали беговые дрожки. Хозяйка бросилась к окну и заговорила:

– Кучер ямовского барина! Федя! Федя!

– Предложи ему чаю да достань ратафии, – сказал целовальник, застегивая жилет.

В кабак вошел в красной рубахе и плисовой поддевке кучер с бочонком под мышкой.

– Федору Петровичу всенижайшее почтение!

– Все ли в добром здоровье? Пожалуйста-ка чайку попить.

– Можно.

Хозяйка очутилась перед гостем с подносом.

– Желудочная? – спросил кучер, выворачивая белки глаз на хозяина.

– Французская ратафия, попробуйте!

– Штука ничего! в Питирбурхи мы больше косили тминную, херес, мадеру, что попало!

– Садитесь. Ну, как ваш барин?

– Что ж ему? Все ломает да коверкает.

Деньжищев пропасть! анжирею затеял; прачешную строит, садовника из Питера выписал – деньги вольные!

– Нуте-ко другую, – сказала хозяйка, поднося кучеру ратафии.

– Как его бишь зовут, барина-то?

– Захар Ильич... прозывается Абалонов.

– Что ж, за водкой приехал?

– За водкой. Просил очищенной что ни есть.

– Видно, самому?

– Да у него для всех одна!

– Я слышал, барин добрый, – говорил целовальник, – и образованный человек.

– Человек, надо сказать, так: по книжной части это первая его страсть! Теперь нарочно из Питирбурха выписывает разные журналы, газеты... без книг ни одного дня не может прожить. Как сейчас встал, прямо: «Васька! газету...» И, должно, эти книги, Федор Петрович, человека, как сказать, одуряют: что вот теперь, я полагаю, водка для нашего брата, то для господ – книга. Потому она что-нибудь это в разуме у них... там... погляжу я на своего барина: ровно рехнулся... увидел у Селезенкина

помещика винный завод – «а! говорит, то-то мне и нужно! Надо, говорит, себе соорудить!» Тоже рысистых лошадей хочет заводить. Ну, известно, барин, надо говорить по правде, душевный и простой.

– Пожалуйте водочки, – потчевала хозяйка.

– Человек вежливый! – разламывая крендель, продолжал кучер, – благородный, значит, потому образованный человек, не так, как теперь здешние помещики – всё нороят дело не дело обляять нашего брата; ну, а этот малого ребенка не обидит, и опять же ихняя супруга только и знает что по-французски жарит; верно говорю вам.

– Ну, что же, господа-то часто ездят к нему?

– Нет, спервоначалу повалили было, а тут что-то и оселись... Однако бывают; да наш барин, я вам докладываю, чудной: он теперь любит с плотником балами заняться, с столяром или с простым мужиком. А господ он мало привечает и сам у них редко бывает. Ездит иногда вот к Селезенкину, к Орлову, еще в город когда... А барыня, та любит в городское собрание ездить, офицеры к ней приезжают.

– Прошу покорно, – потчевала хозяйка.

– Ну, что ж, все больше чтением, вы говорите, занимается барин-то?

– Чтением! – Кучер, выпив водки, отплюнулся. – Чтением... как есть беда!

– Папиросок не угодно ли? – Ах, вот это чудесно! Наконец, кучер собрался ехать.

– К нам, Федор Петрович, просим покорно во всякое время, с хозяйшкoй.

– А что, вашему барину не нужно будет рабочих лошадей?

– Аи есть?

– Есть...

– Волоките! Страсть нуждается... да ему что ни покажете, сейчас купит: как есть махонький ребенок.

Кучер сел на дрожки, крикнул: «Эй, поджарая!..» – и скрылся в облаке пыли.

Новый ямовский управляющий, Захар Ильич, был отставной офицер, но офицер цивилизованный, с московским лоском, московскими взглядами и обычаями, с ярким стремлением произвести коренную реформу в имении. Он был приятель самому хозяину имения, никогда не бывавшему в Ямовке, и свои приятельские отношения к нему ознамено-

вал тем, что женился на его любовнице, очень пышной и дородной московской институтке, которую привез с собою в Ямовку. Захар Ильич, имея полную доверенность от владельца, начал распоряжаться имением, как своим собственным; деньгами снабдил его тот же владелец, навязавший ему свою возлюбленную, от которой не знал, как отделаться. Пользуясь своими свежими силами, Захар Ильич начал с того, что сломал все риги, конюшни, хлебные амбары, даже самый дом, и принялся все строить снова. Поднялись размежевки с мужиками, явились каменные стены и красивые изгороди. Весь этот содом ошеломил окрестных помещиков, которые один за другим спешили познакомиться с Захаром Ильичом, как с человеком, видимо, богатым. Как образованный москвич, Захар Ильич считал своей насущной потребностью следить и за текущими событиями в отечестве, поэтому выписывал в Ямовку все газеты и журналы.

Целовальник Федор Петрович смекнул, что вблизи от него появилась лакомая добыча, стоившая целых двух Ямовок, — и крепко задумался.

Был погожий летний вечер. На балконе вновь выстроенного дома сидел за стаканом чаю Захар Ильич. У ступенек лестницы стоял мужик без шапки. Барин курил гаванскую сигару и громко толковал мужику:

– Не могу, друг мой! Ты очень хорошо знаешь, что теперь эмансипация, воля! другими словами, общая равноправность! ты со мной можешь поступить точно так же, как и я... Зайдет моя скотина к тебе на огород, бери ее, назначай и с меня штраф; в этом-то и заключается гарантия неприкосновенности имущества каждого из нас, в этом-то и весь прогресс!

Захар Ильич отхлебнул глоток чаю и откинулся на спинку кресел.

– Захар Ильич...

– Не могу!

– Простите!

– В чем тут простить? заплати штраф и ступай с богом! Правда, я человек добрый, это все узнали, но я не хочу делать поблажки никому, потому что всякого рода уступка ведет к

беспорядку: мы, как граждане и просто как соседи, непременно должны стараться заставить друг друга исполнять свои обязанности, иначе произойдет столкновение, путаница... Ты видел, какие ограды я выстроил? Сделай и ты то же самое! Я знаю, первый ваш враг – это лень. Прежде, во времена крепостного состояния, вы еще могли лениться и делать все из-под палки, зная, что в случае нужды помещик вас выручит; но теперь настало такое время, когда выручать вас более некому, когда вы предоставлены самим только себе, когда нельзя более жить спустя рукава! Вот то-то и хорошо! каждый из нас неминуемо должен сделаться гражданином в самом обширном смысле слова.

– Простите, Захар Ильич! – Не могу, друг мой!

Захар Ильич держал в зубах сигару и смотрел в сторону.

Вошла барыня Анна Григорьевна с целой толпой маленьких собачонок.

– Какой чудный вечер!.. и какая скука!

– Не знаю; мне не скучно, ma chere! [1]

– Тебя вечно занимают разные пустяки –

счастливым характер! а я не могу, как ты, целый час толковать с мужиком об эмансипации...

– Но надо же рано или поздно развивать этот народ, надо же внушать ему, что чужая собственность священна и потому ограждена законами и что...

– Мими! Каро! Каро! – закричала Анна Григорьевна на собак.

– Не могу, дружок! – обратился Захар Ильич опять к мужику.

Мужик упал в ноги.

– Послушай, я не терплю этого, встань! Я вижу, что в вас нет капли сознания своего достоинства. Человек! позови старосту! до какого унижения вы себя доводите.

– Что делать, Захар Ильич! дома есть нечего. Пришел староста.

– Послушай, Ефим, много там потравы сделала вот его лошадь?

– Нет, нисколько... опричь, что взошла.

– Ну, выпусти ее и отдай этому мужику. Ступай, любезный.

Староста и мужик удалились. Супруги молча глядели на раскинувшееся против них се-

ло с прудом, церковью, крестьянскими дворами и ветряной мельницей вдали, освещенной заходящим солнцем; на церковную крышу и сиявшие кресты слетались стада галок, на селе раздавались неясные крики людей и животных.

Перед балконом явился целовальник в длинном суконном сюртуке, с цветным галстуком, с фуражкой в руке.

– Здравствуйте, Захар Ильич!

– Вы чьи такие?

– Признаться, ваши соседи: вот тут, на большой дороге, кабак содержим.

– Так это ваш кабак-то?

– Так точно-с. Мы его, стало быть, снимаем уж лет десяток с прибавкой.

– У вас хорошая водка; кажется, мы у вас брали?

– У нас. Ваш кучер третьего дня приезжал. Водку мы держим всегда очищенную.

– Взойдите сюда. Что ж вы нам хорошенького скажете?

– Мое вам почтение, – отнесся целовальник к хозяйке, на что последняя отвечала легким движением головы, поглаживая собачку,

лежавшую у нее на коленях. Однако черные глаза целовальника обратили на себя внимание барыни, и она поправилась в креслах, по-видимому намереваясь посидеть подольше на балконе.

– Ну-с? рассказывайте.

– Дельце такого рода: слышал я, Захар Ильич, что вы очень любите читать книги, одолжите мне какую-нибудь книжечку: сидишь-сидишь в кабаке, знаете – скучно! Получал я тут от одного дворника журнал «Странник»{2}, книжка занятная; да теперь, прочитавши эту книжку, и сижу без дела. А еще сызмаленька пристрастие-то есть к чтению...

– Хорошо! только напрасно вы читаете «Странник». А я вам дам «Русский вестник», «Отечественные записки», мало ли хороших книг? А газет вы не читаете?

– Никак нет-с.

– Вы у помещиков попросили бы.

– Здесь, Захар Ильич, помещики почти ничего не читают.

Супруги с улыбкой переглянулись, и Захар Ильич, опершись своим подбородком на палку, проговорил:

– Верю, верю!.. еще далеко от нас время, когда чтение делается настоящей потребностью каждого.

– Захар! – сказала барыня, – ты дай им роман Тургенева «Накануне».

– Да, да... Еще я вам дам «Современник», а впрочем, вот что, Анна Григорьевна, не дать ли им сначала Гоголя? Мне кажется, это будет некоторым образом фундамент для них... Опять же русский, народный писатель, этот, наконец, юмор...

Супруги даже обрадовались, что им предстал такой удобный случай просветить целовальника. В них зашевелилось нечто похожее на родительское чувство к нему.

– Вы не читали Гоголя? – спросила Федора Петровича барыня.

– Не читал, сударыня.

– Так надо дать, Захар. Вот еще, пожалуй, «Подводный камень».

– Нет! к чему же, мой друг, «Подводный камень»?{3}

Это немного неловко... для их семейного-то быта...

– А как же, по-вашему, их семейный быт

должен оставаться в патриархальном состоянии?

– Там другие условия, mon ami!.. [2]

– Лучше скажите, там больше деспотизма, нежели у нас, – сказала по-французски барыня.

– Я не спорю... Пожалуй, я дам и «Подводный камень»... Как вас зовут?

– Федором.

– По отчеству?

– Был Петров.

– Так, Федор Петрович, это мы вам устроим... Я вам дам книг.

– Благодарствуйте, Захар Ильич. Вы поистине отведете мне душу.

– Непременно, непременно. Садитесь. А я вот здесь занимаюсь хозяйством.

– Хорошее, сударь, дело. Хозяйство – занятие приятное.

– Конечно, сначала мне будет трудно! Придется бороться со многими закоренелыми обычаями здешнего края, но бог милостив. Я действую постепенно, не вдруг, даже и у себя в хозяйстве: сначала уничтожил здесь старые и совершенно неудобные помещения, сломал

ригу, конюшню, амбары – и все это строю вновь. Скоро выпишу из Москвы молотилку, сеялку, веялку, сеноворошилку... У меня даже есть мысль выстроить, конечно со временем, при этом пруде винокуренный завод. Да-с, трудов предстоит много, но что делать! труд, труд – и все придет само собою.

– Конечно, без труда ничего не бывает, – скромно заметил целовальник, – говорит русская пословица: «Что посеешь, то и пожнешь».

– Я с вами согласен! Труд, так сказать, рычаг, залог всякого успеха! И в нашем отечестве настало именно время всеобщего труда, такое время, когда каждый из нас по мере сил своих должен трудиться. Спрашивается: почему западные державы опередили нас во всем? Почему? Да потому, что там каждый работает, как пчела, там нет бесполезных тунеядцев, паразитов... там благосостояние каждого определяется его собственным трудом! Человек! подай сигары!

– К такому именищу следует приложить руки, именище хорошее, – сказал Федор Петрович.

– Имение... как вас? кажется, Федор Петрович? Имение действительно хорошее. Ведь две с половиной тысячи десятин одной пахотной земли – за наделом крестьян! Кажется, золотое дно? Но вот подите же! – Хозяин закурил сигару. – Надо вам сказать, что владелец Ямовки – мне друг. Мы с ним вместе росли, вместе воспитывались. Он мне, одним словом, дал полную доверенность, даже, можно сказать, неограниченную... И только об одном просил: «Пожалуйста, говорит, приведи в порядок это заброшенное имение». Приехал я сюда и нашел все в таком беспорядке, в таком, как вам сказать, опустошении и запустении!.. То повалилось, другое завалилось; помещение для скота варварское, рига, конюшня, даже самый дом... ну, одним словом, я все это велел сломать и теперь взялся взаправду!.. Теперь я надеюсь все это взять в руки! Да, вот мне нужно обзавестись рабочими лошадьми...

– Лошадей, Захар Ильич, тут достанете. Конечно, и на Лебедянской ярмарке можно купить, но это далеко отсюда, и ярмарка придет не скоро. Тут один мой знакомый торгует ло-

шадьми и дешево продает.

– Мне нужна рабочая лошадь, не дорогая, но крепкая.

– Лошади прочные у него. Я ему скажу, он даже отберет для вас особенных.

– Да, скажите ему; я вам буду благодарен. Вам не угодно ли, Федор Петрович, водки со мной выпить? Я в это время пью водку.

– Покорно благодарю.

– Васька! дай нам водки. Давеча утром был у меня священник. Я тоже утром пью водку... ну, а теперь выпью с вами. Одному как-то скучно пить.

– Без компании подлинно скучно.

Хозяевам, как видно, начинал нравиться Федор Петрович своею скромностию, необыкновенной вежливостию и, сверх того, еще жаждою к просвещению. Подали закуску.

– Прошу покорно! Что касается книг, то я вас награжу ими. Скучать не будете, – говорил хозяин, закусывая, – а насчет лошадей в самом деле скажите вашему знакомому, чтобы он пригнал их сюда показать мне.

– Это останетесь, сударь, довольны! лошади плотные, рабочие лошади, и возьмет он с

вас недорого.

– Я думаю, вам очень скучно в кабаке? – спросила барыня, – даже страшно, мне кажется... живете одни... в поле...

– Дело наше привычное, ведь с малолетства этим ремеслом занимаемся. Конечно, бывают тоже разные случаи, не без того; говорит пословица: «Дурному человеку в поле – две воли».

– Какие же случаи?

– Да вот хоть, например, осенью было дело... Сижу я в кабаке, уж около полночи... вдруг кто-то стучит в ставень. Спрашиваю: кто? Не откликается... Жена спала это время, работник тоже спал, а я составлял счета, писал. Слышу, опять кто-то стучит. Вышел я в сени, смотрю – ломают дверь. Я разбудил работника и пошел с ним. А он, известное дело, мужик, работник-то, трусил да ушел опять в кабак... А это были двое беглых солдат. Я связал им руки и наутро представил их в город.

– Вы сладили с ними?

– Сладил-с...

Барыня во все глаза посмотрела на Федора Петровича.

– Вы очень сильны? – спросила она.

– Хвастать не хочу, а, благодаря бога, езжу по ночам всегда один... про запас ничего не беру... Чего бояться? Его святая воля!

«Экой молодец!» – подумала барыня.

– Действительно, – заметил барин, – кто там что ни говори, а бог первая защита!..

– А что я так-то думаю, Захар Ильич, – начал Федор Петрович, – вы меня извините... Что бы вам выстроить здесь, в селе, торговую лавочку? Крестьян тут более девятисот душ, а им надо бывает купить то, другое... Город отсюда далече. Есть на постоянных дворах тут лавки, тоже не близко: верст шесть наберется. Опять, другое дело, касательно ежели что продать захочет мужичок, положим, хлеб, что ли... то он должен это везть вон куда, а то бы он продал здесь, у вас...

– Где же это выстроить?

– А вот у вас, напротив церкви, местечко-то; земелька ваша собственная, а местечко куда как хорошо! Теперь праздничное время, народ прямо от обедни в лавку: взял купил себе что надо и поехал себе с богом! Я не к тому, примерно, чтобы насчет обмана, как прочие

торговцы... а бога боясь! Можно все пустить дешево супротив других, а барышок какой ни на есть будет: все вам очистится плохо-плохо триста рублей в год, а нет – и больше; вы и мужичкам пользу сделаете и себя не обидите. Да тут прямо можно выстроить постоянный двор, значит, на этом самом месте: тут проезд всегда хороший, даром что дорога проселочная. Я, как здешний житель, полагаю, что это будет хорошо; впрочем, советовать не смею... вы извините...

– Помилуйте, напротив, я вам очень благодарен. Но позвольте, точно здесь проезд хороший?

– Летом нельзя сказать, чтобы очень быстро ездили, а и летом тут ездят... Может, чай, изволите когда слышать колокольчики?

– Правда.

– А уж зимой здесь простору нет! обоз за обозом, возок за возком... отменное-с местечко!.. И весело будет жить. Даже если вы сомневаетесь, мы у вас тогда снимем эту самую лавочку, отдадим вам чистые денежки.

– Послушай, mon ami! – обратился Захар Ильич к жене, – какая у меня мысль! Пред-

ставь, я думаю здесь выстроить гостиницу для проезжающих; устрою этакой небольшой, но чистенький трактир, номера... Наконец, ведь в самом деле у нас в захолустье нигде не встретишь не говоря порядочной гостиницы, просто – порядочной избы, а между тем по этому захолустью нередко приходится проезжать и порядочным людям; да и, например, зимней порой вдруг кого-нибудь застигнет ночь, кто-нибудь, например, заблудится... вдруг – гостиница! Я вам, Федор Петрович, очень благодарен за мысль! Annette, как ты думаешь?

– Я тоже думаю, что это будет хорошо. Вот если бы ты такими умными вещами занимался, это бы тебе делало честь, вместо того, чтобы ломать и строить какие-то амбары, риги...

– Превосходно, превосходно! не мешает купить небольшой орган... пусть мужики слушают... Это слегка развивает...

– Да можно наши фортепьяно туда поставить... ведь у меня будут другие...

– Пожалуй, пожалуй... Только кто же будет на них играть?

Федор Петрович взялся за фуражку.

– Что же вы? Посидите!

– Признаться, тороплюсь: в кабаке жена одна. А это вы, сударь, именно в самый раз тут выстроитесь.

– Я непременно выстрою гостиницу, конечно и лавочку также. Ну, а что мне будет стоить вся эта затея, как вы думаете, Федор Петрович?

– Да что она будет стоить? Вы полагаете одноэтажный домик выстроить?

– Мне хотелось бы двухэтажный; понимаете ли, наверху будет чистая гостиница для порядочных людей, а внизу лавочка.

– Да не дорого вам будет это стоить: лесок у вас благодаря бога свой; соломка, хворостик – тоже... работа одна да товар... товар дешевенький... Я полагаю, на триста с небольшим управитесь...

– Только?

– Да я еще, сударь, дорого кладу... по расчету меньше обойдется; а она, эта самая материя, в год окупится.

– Я вам, Федор Петрович, право, очень благодарен.

– За что же? Не стоит... Желаю вам всякого

благополучия.

– Вы нас проведывайте.

– А что же книги-то? – сказала барыня.

– Уж книжечку позвольте... для меня это будет подлинно удовольствием, – проговорил Федор Петрович.

Хозяин и хозяйка хлопотали вокруг целого вороха книг.

– Гоголя положила?

– Но вот что: не дать ли им «Обломова»?

– Пожалуй! в самом деле, «Обломова»? вещь капитальная; пусть они там выберут себе по вкусу... Человек! завяжи книги... Что ты, друг мой, ищешь? Авдеева! Авдеева я положил... Вот вам, Федор Петрович! Читайте себе сколько душе угодно. Мне всегда нравятся люди, в которых есть какая-нибудь любознательность: в жизни, природе, науках, искусствах – все интересно! Поэтому именно – чтение, чтение... И вы читайте себе! Я вам буду доставлять книги.

– Вы прочтите «Подводный камень» или «Обломова», – сказала барыня, – после скажите мне ваше мнение...

– Очень хорошо-с.

– Где же ваша лошадь? – спросил хозяин.

– Она там у конюшни привязана.

– Вам сейчас подадут.

К балкону подъехала высокая серая лошадь, запряженная в купеческую тележку.

– Прощайте, Захар Ильич!

– Заезжайте же к нам.

Серый жеребец, загнув шею дугой, понесся мимо каменной ограды.

– Вот такая беседа, – говорил Захар Ильич своей жене во время ужина, – с простым, умным человеком гораздо приятнее, нежели, например, с каким-нибудь помещиком, который потерял всякую энергию к жизни, обленился и ни о чем не в состоянии думать... В нашем так называемом образованном обществе чувствуешь какую-то нравственную тягость: какие-то предвзятые у каждого мысли! То ли дело простой русский человек! Все это просто, открыто, а между тем и умно! Говорит пословица: «Хоть шуба овечья, но душа человека!»

– Однако какая скука! Нет! без гостей в деревне невозможно, – сказала Анна Григорьевна.

– Послезавтра, та счеге, день моего рождения; я думаю, вечеринку надо сделать.

– Да уж обед... к чему же вечеринку! Ну, конечно!

Анна Григорьевна села за фортепьяно, и в отворенные окна полились аккорды... Барыня запела: «Ты не пой, соловей». Захар Ильич начал подтягивать – и вдруг сказал:

– Давай пропоем дуэт! Я себя чувствую сегодня очень хорошо!

– Ты, кажется, всегда чувствуешь себя хорошо. Но у тебя, Захар Ильич, совсем нет уха... ведь это бог знает что выйдет.

– «В полдневный жар»? Или «Скажите ей»? У нас с тобой выходило недурно.

Супруги запели. Захар Ильич забрал совсем не в тон.

– Нет, я не могу! – И Анна Григорьевна закрыла фортепьяно.

– Ну, я вас прошу! к чему эта строгость?

– Оставьте меня... право, я не люблю ваших нежностей, – сказала Анна Григорьевна и отправилась в спальню. Супруг поплелся в кабинет.

На небе занималась заря; на селе пели пе-

тухи; по безлюдной улице к полю шли двое дворовых людей с сетями – ловить для господ перепелов.

На большой дороге у кабака стояла лошадь: кто-то неутомно стучался в дверь. А в воздухе уже пели жаворонки.

– Ступай отпрягай лошадь, – говорил целовальник работнику.

– Где это ты пропадад? – спрашивала целовальничиха.

– К куму ездил... насчет лошадей барину... да еще – одно дельце задержало.

Работник отпрягал лошадь и спросонья клевал носом. Жаворонки пели громке и громче...

Наступил день рождения Захара Ильича. Солнце только восходило; толпы баб отправлялись в поле с серпами, кувшинчиками и люльками, на барском дворе стучали топоры плотников, сидевших на стропилах; кровельщики гремели железными листами, вокруг сада каменщики клали стену, громко распевая песни; в кухне стучал поварской нож, горничные бегали по двору с накрахмаленными юбками в руках.

Захар Ильич уже пил чай в своем кабинете. У двери стояли повар, конторщик и староста со связкой ключей.

– Староста! Нынче опять поезжай в лес... остальные липы срубите и везите туда же к церкви... Мне хочется, чтобы гостиница была готова в две недели. Да найми сегодня же плотников – человек десять.

– Пора-то таперь рабочая... дорого возьмут.

– Хорошо-с! Я это знаю; ну, заплатите вдвое, только делайте, как вам приказывают.

– Слушаю-с.

– Повар! сегодня обед на десять персон...

сделайте мороженое... да приготовьте шампанского. Что у вас будет к обеду?

– Суп... индейка, перепела... мороженое...

– Вот что: к завтраку пирог! я приглашу причт... Конторщик! сбегайте к священнику, скажите, что я сейчас приду в церковь слушать молебен. Повар! спросите у садовника дынь, а если не поспели, то арбузов нет ли... Я, право, по этой части ничего не понимаю, это дело барыни.

– Оне почивают.

– Ну, мне пора одеваться.

На пути к церкви Захар Ильич завернул в хлебный магазин, в котором стучали топоры плотников.

– Ну, что, – спросил барин, глядя вверх, – как ваши дела?

– К обеду, Захар Ильич, кончим, надо полагать, – только прикажите отпустить небольшой дубок – на закрома.

– Вы как же хотите тут сделать?

– В этом месте будет забираться досками, а тут мы оставим место для проходу; сохи упрут в матицу.

– Как кончите, ступайте начинайте гости-

ницу.

– Позвольте узнать: что же это, Захар Ильич, будет – трактир?

– Трактир, – усмехаясь, сказал барин.

– Тогда город-то, стало быть, к нам поближе, – заметил один плотник.

Причт ожидал барина в церкви. Барин принял благословение от священника и сказал:

– Батюшка! прошу отслужить молебен.

Причт облачился в ризы и запел: «Преподобие отче Захариие!..»

Барин пригласил духовных к себе в дом на закуску.

– Трактир строить хотите, Захар Ильич? – спрашивали гости, идя с барином по селу.

– Гостиницу. Это меня надоумил целовальник, Федор Петрович: открою здесь лавочку также.

– И кабачок, позвольте полюбопытствовать, будет?

– Не думаю. Мне этого не хотелось бы... Скажите: кажется, Федор Петрович хороший человек?

– Человек умный-с! человек угоститель-

ный.

– Именно умный! ваша правда. А ничего про него не слышать дурного?

– Дурного ничего не слышал... хлебосол! На-встречу барину бежал кучер.

– Пожалуйте, лошадей привели!

– Каких лошадей?

– Вы приказывали... рабочих...

У конюшни стояло стадо лошадей. Мещанин, пригнавший их, стоял без шапки.

– Здравствуй, почтенный! Дак ты пригнал?

– Пригнал, ваше высокоблагородие. Вы наказывали Федору Петровичу.

– Ну что же? как их выбирать?

– Да выбирать их почесть нечего! лошади все сносные, будьте покойны; я вам самых лучших представил...

– Ну-ка, покажи нам одну хоть.

Мещанин обратал лошадь и побежал с ней в сторону.

– Кажется, лошадка ничего, – сказал барин.

– Да будьте спокойны... мы этого не сделаем, чтобы... насчет обмана...

– Ленива только, – сказал дьякон.

– Ленива? – возразил мещанин, – а не знае-

те, отец, что в хозяйстве ленивая и нужна? Ну-ко, горячую-то запрягите в соху? Она вам ни одного зуба не оставит...

– Это справедливо, – сказал дьякон, попячиваясь назад.

– То-то! а еще небойсь хозяйством тоже занимаетесь... мы вам не указываем в церкви...

– Ну-ка, проведи другую... А что это у ней спина-то?

– Это, ваше высокородие, потерто: она, изволите видеть, у мужика была... а вы, чай, изволите знать этот народец! Железную, понимаете, седелку клали на спину-то... А какая лошадь-то!.. Эй! заснула!..

– Покажи нам... вон, в середке-то.

– Темно-гнеденького-то?.. Уж и конь! Сейчас умереть!

– Ногами попорчена, – заметил дьячок.

– Попорчена? Сидел бы на колокольне да трезвонил в колокола... – крикнул прасол. – Эта лошадь дороже тебя!

– Ну, как ты думаешь, Егор? – спросил барин своего кучера, – хороши лошади?

– Лошади справные. Как ценой-то, надо узнать.

– Мы за ценой не погонимся! А ежели вам по ндраву, Захар Ильич, прикажите гнать на двор. Об цене толковать нечего. Пятнадцать рублей штука!

– Это не дорого! так загоняй лошадей на двор и ступай к конторщику. Он тебе выдаст деньги.

Оставшись один на один с кучером, прасол сказал ему:

– Заверни к Федору Петрову!..

– Сочтемся! – отвечал кучер.

Часа в два начали съезжаться гости. В гостиной сидела барыня с холостыми помещицами, доказывая им, что мужчинам ни в чем нельзя верить.

В кабинете и зале толпились пожилые и семейные помещики.

– Ну, как, милый Петр Абрамыч, вы поживаете? – шел разговор.

– А вот так мы и поживаем, почтеннейший Егор Григорьич.

– Живите, живите.

– Хочу, батюшка, сделать себе новую терку для картофельного крахмала. Изволите видеть: будет ремень и две терки... и над бараба-

ном будет сидеть мужик, чтобы наблюдать, не попало ли чего-нибудь... Например, вдруг камень... стой! мужик вынул камень, и пошла писать...

– А над мужиком устроить тоже какую-нибудь машину?..

– Хе, хе, хе!.. именно машину!

– Я хочу выписать из Москвы костяное удобрение, – говорил Захар Ильич, – за границей везде удобряют костями... одним словом, пора взяться за дело русским хозяевам!

– Нет, Захар Ильич, в России все эти машины да химические удобрения не годятся. Поэтому, надо удобрять навозом, пахать матушкой-андреевнoй сохой, держать кляч, а не лошадей; потому что хороших лошадей у вас испортят, машину сломают! нам надо еще учиться, принаравливаться к мужику, к его лени и плутовству – особенно теперь, когда мы стали в зависимость от этого народа. С мужиком нельзя делать никаких договоров... Словом, настоящее разумное хозяйство у нас невозможно!

– Нет, нет! я с вами не согласен! я вам докажу, что всему виною мы...

– Захар Ильич! позвольте вам заметить: а климат наш? вы ни на что не можете смело рассчитывать, ни на какой затраченный капитал: зима без снега... засуха, град... одна надежда на милость божию.

– Позвольте, Захар Ильич, мне заметить, вам: как теперь обрабатывается земля? Прежде всевидящая палка надсматривала, а теперь мужичок пашет, как ему вздумается...

– Опять я с вами не согласен! – говорил хозяин.

– Конечно, – заметил один помещик, – Захар Ильич действует рационально... в этом мы должны признаться... В самом деле, спросить: какие мы хозяева? разве так-то ведут хозяйство?..

Лакей объявил, что обед готов. Гости начали садиться за стол.

– Нет, господа! – говорил Захар Ильич в конце обеда, – кто что ни говори, я остаюсь при своем и буду действовать, как начал! меня ничто не собьет с дороги! Жалуетесь на мужика? существует штраф и вычет из жалованья, – это надежней всякой палки! Я никому не поверю, чтобы у хозяина, который сам сле-

дит за своими интересами, дело могло идти дурно. Каким образом мне плохо вспашут землю, когда я сам слежу за работой? Как мужик смеет не исполнять своих обязанностей, когда нас охраняет закон? Что же? разве закон не имеет силы? Вспомните нашего мирового посредника, которому дворяне делают обеды и говорят спичи... За что, как не за то, что он наш верный оплот, охраняющий законами наши выгоды? Повторяю, как вы хотите, а я непоколебим и поведу новое хозяйство. Настало время проснуться каждому из нас! Где мы живем? в какой стране? Слава богу, мы не турки, у нас не существует ни произвола, ни права сильного, мы живем в благоустроенном государстве, где благие меры правительства чувствуются на каждом шагу.

Помещики молчали, чувствуя себя побежденными. Многих поражал высокий ум хозяйина.

– Вы жалуетесь на климат, – продолжал хозяйин, – позвольте спросить: разве не бывает засух, града и неблагоприятной зимы в Англии? А посмотрите, как там идет хозяйство! (Голос: «Правда!») И разве эти явления не слу-

чайные у нас? Ведь, несмотря на вражду с нами природы, мы, русские, не только кормимся сами, но даже кормим иностранцев: пшеница, рожь, пенька, сало, клевер – разве не отправляются нами за границу? (Знаки одобрения и голоса: «Правда! верно!») Разве Россия не считается хлебородной страной, по преимуществу страной земледельческой? Вот вам и климат! Нет, у меня явится все! Стоит только трудиться. Но я разумею труд по призванию: люди, не призванные к сельскому хозяйству, должны, по-моему, бросить его, иначе оно, кроме мучений, ничего не будет обещать. Я, господа, встаю в пять часов утра и целый день на ногах и, кроме удовольствия и хорошего расположения, ничего не чувствую! Вот вам пример. (Голоса: «Браво!»)

Подали шампанское.

– За ваше здоровье! – воскликнули гости.

– Господа! – сказал хозяин, – мне весьма приятно, что вы сделали мне честь вашим посещением.

– Со днем вашего рождения!

– Благодарю, господа.

Гости выпили. Лакей налил еще.

– Господа! позвольте провозгласить тост за процветание русского сельского хозяйства!

– Ур-р-ра!..

Хриплые голоса раздались в зале.

– Господа! За почтенное Петербургское вольное экономическое общество, а также за его «Труды»!

– Bravo!..

– Господа! позвольте предложить тост за почтеннейшего и многоуважаемого нашего собрата, Захара Ильича! Его неутомимая деятельность, высокое просвещение, необоримое стремление к прогрессу должны заставить каждого из нас желать, чтобы таких людей было побольше среди нашего благородного дворянства!

– Благодарю, господа! Предлагаю тост за освобождение крестьян из крепостной зависимости. Да здравствует свобода, озарившая радостью не только чертоги вельмож, но и бедную хижину земледельца!

– Господа! – крикнул один пьяный, – ура!

– Ур-р-ра!..

В то время, когда в доме Захара Ильича провозглашались тосты, из деревни Яблоно-

вой, стоявшей недалеко от Ямовки, выезжали беговые дрожки, на которых сидели два закадычные друга: яблоновский приказчик и целовальник Федор Петрович. Они уже напились чаю и ехали разгуляться на свой вместный клевер, оттуда на пасеку и кстати посмотреть своих калмыцких овец. Толстый приказчик правил лошадей, Федор Петрович сидел назади. Друзья проехали заливной луг, с бродившими на болотах цаплями и висевшими в воздухе стадами уток, и очутились в поле.

– Статья теперь вот какая, – говорил Федор Петрович, – я насчет ямовского барина... урожай у них у всех плохой, а у ямовского барина хуже всех, а у него и за ухом не чешется! он себе городит городушки... Так думаю я: ежели не в нынешнем, то в будущем году он беспрременно продаст не только лес, а, пожалуй, что хочешь спустит, как денежки все размотает и начнет поплясывать... а народ этот горячий... вот тут-то мы с вами к нему и подъедем... словно между делом... а лесок – толковать нечего!..

– Да, теперь подходит самое настоящее

время... Скоро и мой профинтится... Я, чуешь, тоже пишу своему барину, не продаст ли он свою, роццу?.. Дескать, я буду подыскивать покупателей... А каждую почту строчит мне: денег, говорит, денег, пожалуйста... Я уж ему прямо отвечаю, откуда же я их возьму?.. Теперь ведь я не крепостной, по мне хоть завтра с места долой...

– Да и лафа, Григорий Сидорыч, подходит! скоро, кажись, земли пойдут продаваться по десяти целковых за десятину...

– Время – говорить нечего! другого такого времени навряд дожждаться... уму непостижимо, что делается!.. Ведь, слышь, примерно, над пропастью висят; а все свое: балы да белендрясы... А все что? Избаловались!..

– Набаловались – здорово!

Между тем сытый жеребец нес друзей через деревни с кланявшимися мужиками, через мостики, овраги и, наконец, привез их на клевер. Друзья сошли с дрожек и сорвали по пучку клевера.

– Слава богу!.. кажись, надежда есть...

– Ничего!.. А насчет овинов не беспокойтесь. Наум Васильев наш справит их в луч-

шем виде! И возьмет от силы тридцать рублей!.. опять же он свое дело знает...

– В Москве овинный клеверок щеголяет... Ну, как вы думаете, Федор Петрович, рассчитываю: плохо-плохо выйдет у нас триста пудов... класть по пяти даже рублей – вот полторы тысячи... а солома? она, пожалуй, окупит всю работу... Да я своих мужиков пошлю...

– Поедем взглянем на ямовский лесок-то, пока засветло... на пасеку, видно, не поспеем нонче...

Друзья поехали межкой в гору, и вскоре пред ними выглянул густой ямовский лес. Сидевший на дубу против заходившего солнца ворон поднялся вверх и закричал, как бы предвещая что-то недоброе. Целовальник и приказчик не отнесли этого предвещения к себе, но оно, по их мнению, скорее относилось к владельцу леса. Друзья объезжали лес кругом и остановились на рубеже.

– Дело вот какое: кореней тысячи три с прибавкой будет... рубль штука – тысяча рублей... да дрова... рублей пятьсот дать можно... да он, пожалуй, возьмет и меньше...

– Вот, Григорий Сидорыч, посмотрите,

хлеб-то ямовского барина – какой!.. что это такое? Колос от колоса – не слышать даже птичьего голоса!..

Приказчик улыбался и пожимал плечами.

– Не правду я вам говорил?.. Друзья поехали домой.

– Теперь, Григорий Сидорыч, ко мне, – говорил целовальник, когда пришла большая дорога.

– Ведь позднеенько, кум!

– Вот еще, что вздумал! Я к нему ездил, а он так шалишь!

– Да ведь у вас, право, забалуешься.

– На что баловаться? Надо выпить хорошенько, а баловаться нечего! Ну, я работника дам проводить... да теперь ночи лунные.

– Я не об том... Завтра чем свет вставать надо!.. Приказчик повернул лошадь к кабаку.

– Кума, здорово!..

– Ах, куманек, голубчик!.. Здравствуй, на силу-то ты к нам заехал!

Приказчик и целовальничиха крепко поцеловались. На стойке явилась белая скатерть, разные яства и несколько бутылок.

– Спесивый, право спесивый!.. Бог с тобой!..

– Эх, кума!.. кабы ты знала наши хлопоты!..

– Григорий Сидорыч, Григорий Сидорыч!
посмотри-ко поди сюда, – сказал целовальник, глядя в отворенное окно.

По большой дороге катили экипажи с помещиками.

– Это бал был у ямовского барина, – заметила целовальничиха, тоже подбежавшая к окну...

– Гуляют себе!..

Ехавшие, размахивая руками, кричали: – Ур-р-ра!..

IV

Через неделю лакей доложил Захару Ильичу, сидевшему в кабинете:

– Целовальник приехал.

– Проси!

– Здравствуйте, сударь!

– Прошу садиться, почтеннейший Федор Петрович... Лошадей я у вашего приятеля купил, и целых двадцать штук; заплатил недорого: да вот беда, отчего-то они хворают? Некоторые из них, как говорит коновал, опоечны, а иные очень стары. Но я вас вовсе не вижу, ведь продали лошадей не вы...

– Захар Ильич! не только с лошадьё, а с каждым человеком может случиться и болезнь и старость... все под богом ходим! Теперь время стоит жаркое, опять же работа, сами возьмите! надо бога бояться! А вот они как пообдержатся, и будут вам служить! Касательно же опоя, коновал этого дела не знает. Может ли опиться простая, рабочая лошадь? Какой же мужичок прямо от сохи гонит ее к речке, или извозчик прямо с перегону поит лошадь и задает корму? Коновал ничего не

знает, Захар Ильич!

– Действительно, коновалам доверяться нельзя, это я знаю по опыту; один у меня уморил в двести рублей лошадь. Ну, да кроме того, я рассчитываю так: если бы даже околело из купленных лошадей штук пять, и тогда это не составило бы для меня почти никакого урона, потому я дешево заплатил за них; чего в самом деле требовать от лошади, за которую заплачено пятнадцать рублей! Кроме того, они ведь работают! приносят пользу!..

– Нет, мне все-таки неприятно, Захар Ильич.

– Вздор! Ну, что! вы видели, как гостиница-то строится?

– Как же-с! дай бог час, Захар Ильич!

– Каково? Я ведь не люблю откладывать! это не в моем характере.

– Важное, сударь, дело затеяли.

– Нет, каково в самом деле? вы видели лес?

– Липа-с! дух будет легкий.

– А? как вы думаете? какую мы с вами штуку-то удрали! А все-таки честь открытия принадлежит вам... вам... Да, Федор Петрович, вы мне открыли глаза! Я даже нахожу, что это со-

бытие следует напечатать в газетах, что настало, наконец, время, когда и в глуши, среди степей, цивилизация пробивает себе путь...

– Завтрак подан! – доложил лакей.

– Федор Петрович, пойдете завтракать. Пожалуйста, без церемонии. Я с простыми людьми сам прост. Вчера были у меня помещики; вы не можете себе представить, что это за люди! ни малейшего стремленья к улучшению... никакого желанья человеческого. Все, что я ни затеваю, им кажется диким... конечно, есть и между ними люди понимающие... Но вообще я ничьих советов не слушаю и знать их не хочу! Я сам себе господин!

Хозяин и гость вошли в столовую. За столом сидела барыня.

– Как же-с! я вам уж привез книги.

– Так скоро?

– Помилуйте, я продержал их более недели.

– Да что ж такое? разве мы вам дали на срок? Держите их у себя сколько угодно!

– Вы, Федор Петрович, не стесняйтесь, – подтвердил барин, – читайте себе да читайте! мне именно в вас нравится эта жажда любо-

знательности... Если вспомнишь, как человеку много знать надо и как коротка человеческая жизнь...

– Ты всегда любишь пускаться в лиризм, – заметила барыня.

– Но, мой друг! Жизнь... это что-то высокое... как тебе сказать, это такое явление, таковой...

– Что же вы читали? – перебила барыня, обращаясь к целовальнику.

– Читал я, сударыня, как оно... забыл название...

– «Обломова»?

– Кажись, так...

– Ну, что? каково написано?

– Ничего-с, любопытно...

– Вот вам русский человек! – сказал Захар Ильич, чавкая, – лучше сказать, байбак! это какая-то египетская мумия, а не человек... вот вам тип русского человека!

– А мне нравится Обломов, – сказала хозяйка.

– Не правда ли, какой умный и так рельефно выдающийся из толпы наших пошлых современных людей, которые смотрят на жен-

щину, как на какое-то лакомое блюдо... А «Подводный камень»?

– Эту я только начал, – сказал целовальник, держа под столом руки.

– Вот вы будете читать, обратите внимание на то, как Наташа уезжает от мужа...

– Но, мой друг, положим, что вещь эта действительно современная... я не спорю... Соковлин – человек благородный...

– Прочтите, прочтите! – продолжала барыня.

После завтрака Захар Ильич предложил гостю отправиться посмотреть гостиницу. На пути они зашли в конюшню, на скотный двор, посмотрели ригу и молотилку. Во все это время Захар Ильич доказывал, что скоро все имение будет как игрушка. Когда хозяин и гость подходили к гостинице, их встретила толпа мужиков и церковный причт.

– Что хорошенького скажете, миряне?

– К вашей чести, Захар Ильич, – зашумел народ.

Поп выступил вперед и начал:

– Ваше высокородие, весь причт и все прихожане просят вас быть у нас церковным ста-

ростой, так как вы человек благородный, а церковь приходит в упадок. Прежний староста, за ветхостью своих лет, отказывается от должности, и мы, по совещании между собою, порешили избрать вас. Как сын церкви, не откажитесь от таковой... вас духовная мать наша будет поминать, дондеже стоять будет на краеугольном камени, иже есть Христос, занесть глава.

– Я, православные, считаю за особенную для себя честь ваше предложение и, как христианин, не имею даже права отказаться от такой почетной должности. Но я боюсь, буду ли я способен исполнять мои обязанности?

– А мы будем молить бога.

– Ну! когда так, да будет его святая воля!

Все сняли шапки и стали креститься на церковь.

– Позвольте вас поздравить с новой должностью.

– Благодарю, благодарю. Завтра прошу вас ко мне водки выпить. А в церковь я сделаю пожертвование.

Духовные, держа руки за спиной, потянулись за барином смотреть новое здание. Му-

жики остались на улице и начали толковать между собою:

– Однако Федор Петров подбился к барину-то!

– Эта голова охулки на руку не положит! Намесь барину лошадей представил, – все до единой калеки!

– Ведь их привел Васька-прасол?

– Экой ты! да он ему кум... Федору-то Петрову...

– Ты посмотри, он какую-нибудь штуку сделает с баринном.

– А что?

– Да я почему знаю? разве я был у него на уме?

– А ты посмотри, какую штуку он с нами удерет: как заселится в этом трактире, – что тогда делать-то?

– Уж тогда держись! приберет всех к рукам! попятиться не даст! А что я думаю? Завладеет он тогда нами!..

– Чудно, братцы мои! Погляжу я: барин-то ровно с дуриной или помешанный какой. Надысь спрашивает старосту: что, говорит, пять копен ржи на десятине – хорошо или

нет?

– И подает же бог счастье таким людям! какая имения-то!

Захар Ильич стоял на потолке, среди стропил, и говорил Федору Петровичу:

– Как же вы думаете насчет товара?

– Товар, известно, должен быть самый простой, деревенский: чай, сахар, табак, масло, кое-что по мелочам. А все-таки, как я вам докладывал, без продажи нашей нельзя. Проезжающий или свой мужик – во всякий след водка требуется...

– Не хотелось бы мне этого кабацкого безобразия, – сказал барин, – мне хотелось совсем прекратить пьянство в своем селе.

– Нет-с, Захар Ильич, пьянства вы не уничтожите! Ежели тут нет водки, мужик поедет вон куда! он скорее без хлеба просидит, нежели без водки! он последней овцы не пожалеет, как ему придет время пить-то!

– Как, однако, испорчен этот народ!

– Об этом и говорить нечего! народ пропащий, – так надо сказать!

– Я думаю, не мешает купить и хороших вин... на случай...

– Это – как вам будет угодно! для человека случайного не мешает про запас иметь и виноградные вина...

– Даже и шампанское!.. Я хочу, чтобы у меня гостиница была похожа на что-нибудь...

Захар Ильич и целовальник вдвоем отправились домой, раскланявшись с духовными.

– Федор Петрович! – говорил барин дорогой, – у меня есть до вас просьба: не можете ли вы закупить мне товару? Я долго думал об этом и вижу, что в этом деле нужен человек торговый, опытный. Что, если я пошлю покупать какого-нибудь ротозея старосту или мальчишку конторщика? конторщик опять пьяница... Но вы человек практичный, и торговая-то часть вам, кажется, знакома-перезнакома...

– С удовольствием, Захар Ильич; я готов послужить. Конечно, хвалиться не могу, а купить с расчетом, чтобы не было убытку в продаже, могу-с...

– Я вам буду просто обязан!

– Это можно. Позвольте спросить, Захар Ильич, кого же вы думаете посадить в лавку?

– Опять, батюшка, ничего не знаю; думал

было – старосту: он честный человек... но ведь, согласитесь, куда же ему торговать? Про конторщика я вам говорил: пьяница, каналья...

– Да ведь я же прежде вам говорил, Захар Ильич, что мы можем у вас снять эту лавку! тогда бы водки-то покупать не надо: я бы свою перевез... А главное дело, денежки вы с меня получили бы чистенькие, без всякой заботы... Дело же мы можем сделать на бумаге, по закону... Значит, плутовства с нашей стороны никакого быть не может... Известно, вы меня мало знаете, вот поживете – увидите... Да если мы возьмем и мошенника, то и он не может ничего сделать супротив закона, когда обяжется контрактом. А я бы вам привел в порядок эту гостиницу то есть в лучшем виде!

– Федор Петрович! Я слушаю вас и не возражаю вам, потому что думал еще прежде то же самое, что вы теперь говорите!.. Помилуйте! да с моим великим удовольствием! вы меня, по душе вам скажу, на ноги поставите! ведь, кроме вас, совсем нет людей? Что же, я еще кучера, что ль, посажу торговать? ведь это только смешно, но не резонно...

Пока барин и целовальник дошли до дому, они успели условиться в цене и в разных подробностях касательно будущего предприятия.

– Анна Григорьевна! – говорил барин жене, – поздравь нас! мы с Федором Петровичем заключили условие... Он будет жить с нами в Ямовке, заведовать гостиницей.

– Право?

– Видишь ли, мой друг, тут нужен человек опытный, торговый; а кого я посажу в лавку из своих? Тришку? – пьяница; Ермилку? – это разиня: у него все из рук будет валиться... Кого же больше?

– Ну, разумеется, – сказала барыня, – Федор Петрович тебе может быть очень полезен, так как ты вовсе неопытен в торговом деле... Я очень рада! Итак, вы будете нашим соседом? – обратилась барыня к целовальнику.

– Если бог благословит, сударыня... надеюсь заслужить Захару Ильичу... Я как понимаю, все пойдет у нас честно, благородно!

– Так нам надо торопиться, – сказал барин, – когда же ехать за товаром? вы уж, Федор Петрович, не откажитесь...

– Мы сперва выправим свидетельство на право торговли, а потом уж примемся за товар. В Москву ехать незачем: тут в губернии можно достать все... Вот прямо на Пятницкой улице есть купец Сорокин, человек честный и продает все по московским ценам, потому оптом!.. а главная вещь, безобманно...

– Bravo! Человек, подай нам бутылку вина. Надо с Федором Петровичем магарыч выпить! Ну-с? За ваше здоровье, почтенный Федор Петрович. Дай бог, чтобы дела наши пошли как следует!..

– За ваше здоровье, Захар Ильич! Пошли бог успеха!.. Его святая воля!.. Дело начинаем – доброе...

При прощании Анна Григорьевна говорила целовальнику:

– Что же книги-то? держите их у себя, сколько хотите.

– Когда же теперь, та сhere, читать? теперь нам некогда... ты видишь, Федор Петрович будет занят.

– Теперь, сударыня, некогда читать, – сказал целовальник.

Прошел год, и утекло много воды. Большая дорога совсем заглохла, потому что оживлявший ее сколько-нибудь кабаком давно был закрыт; оконные ставни не открывались ни днем, ни ночью; соломенную крышу снес ветер и развеял по полю; вместо нее торчал один хворост, сквозь который виднелась завалившаяся труба; на потолке облюбовал себе место филин, о чем заявляли носившиеся над кабаком стада галок и ворон. «Куда же девался целовальник? – думал посторонний проезжающий или богомолец, возвращавшийся из далекого Киева, – не умер ли? не постигло ли его какое несчастье? не проторговался ли и теперь с своей семьей живет в городишке, в глиняной мазанке, занимаясь прасольством, или... кто знает, что может случиться с торговым человеком?»

– Послушай, земляк, что ж это кабаком-то? Или хозяин помер?

– Ты, божий человек, видно, не здешний? А целовальник жив. Посмотри, как он теперь поживает! любому барину не уступит!

И путник стоит в недоумении, как бы пораженный таким известием, потому что он привык с видом запустевшего кабака или одинокого постоялого двора без крыши связывать в своей голове горькое несчастье, завершившее судорожные попытки человека завоевать себе кусок хлеба. Но так было до сих пор. Пройдет еще несколько лет, и путник сам будет подозревать, видя разрушенные дворы, не пособила ли судьба их бывшим владельцам, сжалившись над их борьбой с жизнью за возможность существования? «А что ж? дай бог! – решит про себя путник, – человек всю жизнь боролся с нуждой и много ночей не спал, живя в поле, слушая осенние ветры и упорно думая о своем законном праве на жизнь: помогай ему бог!» И, сам изуверченный нуждой, он даже перекрестится.

Торговля в Ямовке шла именно так, как описывал ее Захару Ильичу целовальник, когда советовал выстроить лавочку: каждое воскресенье, по окончании обедни, в кабаке и лавке толпилось множество народу со всего прихода; в лавке продавались даже ситцы и нанки. Водки выходило неисчислимое коли-

чество, брали ее все деревни, ездившие в Ямовку к обедне, и самая Ямовка пила больше прежнего. Хотя во время открытия своего заведения Захар Ильич и сказал мужикам речь, что пьянство губительно и потому надо пить осторожно, но эта речь лишь замерла в воздухе: ибо в тот же самый день, как выкинут был флаг над кабаком, Федор Петрович, его жена и наемный мальчик работали за стойкой в три шила, не успевая распечатывать полуштофы.

Федор Петрович не ограничился одним кабаком и лавочкой: у него была ссыпка хлеба, а на дворе стояло несколько заводских жеребцов. Федор Петрович скупал большими партиями овец и быков, снимал заливные луга, имел ульев до трехсот пчел и уже вел переписку с московскими купцами. Помещики и все городские купцы за особенное удовольствие считали пригласить его к себе в гости. Но прежняя вежливость, скромность не расставались с Федором Петровичем, даже весь образ жизни остался прежний: та же красная рубашка навывпуск, длинный суконный сюртук, пение басом на клиросе, тележка с ре-

щетчатым задком, хотя некоторые помещики предлагали ему купить у них задешево разные шарабаны и пролетки, остался даже прежний самовар с деревянным кружком вместо затерянной крышки.

Захар Ильич в важных случаях долгом считал посоветоваться с Федором Петровичем и не только приглашал его к себе на обеды, но сколько раз обедал у него сам с своей супругой. Супруга Захар Ильича, блуждая от нечего делать по селу с своими собаками, едва ли не каждый день посещала Федора Петровича; он вводил ее в отдельную от кабака комнату или наверх в пустую гостиницу и предлагал чаю, кофе, даже лимонада. Но барыня прежде всего просила целовальника, чтобы он сыграл на гитаре и спел. Федор Петрович играл какую-нибудь грустную песню, подпевая своим легким баском, и его черные глаза блестели.

– Мерсі, мерсі! [3] – говорила барыня, – вы чудно поете! пожалуйста, к нам приходите, я вас прошу...

– Ваши гости! – с улыбкой отвечал целовальник.

– Не прочитали еще книгу?

– Понемногу читаю... времени-то мало...

– Читайте... я вам еще дам... вышла недавно новая повесть... я вам пришлю.

Всякий раз, уходя от целовальника, барыня думала: «Этот человек обладает всем, что необходимо нашим великосветским мужчинам: любезность, ум, опытность... главное – опытность...» И ей вспоминались молодые люди, рисующиеся верхом на лошадях с бичами и арапниками или отпускающие перед дамами пошлые каламбуры... «Они, пожалуй, и недурны, – думала барыня, – но в каждом их слове, в каждом жесте выглядывает пустота, стремление к сплетням и самое наглое хвастовство...»

Барыня идет к дому, а стоит такая жара, и кровь так и бушует в сытом и праздном теле, что, добравшись до балкона, барыня бросается в кресла, закладывает вверх руки...

Однажды вечером, когда Захара Ильича не было дома, барыня сидела на балконе. Мысли ее блуждали и в Москве, на балах, и в уездном воксале, и на вечерах у помещиков с пьяными криками и картежной игрой... Ей было скучно; кругом было так тихо, душно... Пе-

чальные сумерки свинцом ложились на душу... Завтра опять то же, та же смертельная жара, скука и безлюдье, тот же крик мужа среди плотников, и снова мертвые сумерки. На балконе явился Федор Петрович.

– Ах! это вы! как я рада; а мне так скучно... мужа нет...

– А я было к Захару Ильичу... по одному дельцу... – Он скоро приедет... подождите его... пойдемте пока в сад...

Целовальник охотно согласился.

– Послушайте, Федор Петрович, – говорила барыня, идя по глухой аллее, – любили ли вы кого-нибудь...

– Как вам сказать... оно, конечно... у всякого человека есть сердце...

– Скажите откровенно, любили ли вы какую-нибудь женщину?..

– Анна Григорьевна! как любить-то нашему брату? мы-то и готовы, пожалуй, всей душой, да согласятся ли полюбить нас, – вот в чем дело!..

«Экой умный человек», – подумала барыня и продолжала вслух:

– Я вам скажу... Женщина умная оценит

всегда достойного мужчину...

Целовальник и барыня шли дальше.

VI

В один из ненастных, осенних дней в кабинете Захара Ильича стекались один за другим вестники с печальными новостями.

– Ну, что еще там? Что скажешь, любезный? Насчет лошадей? Знаю! ты их загнал, запалил? ты был пьян?

– Ни в одном глазе, Захар Ильич!

– Я, любезный мой, обращался с вами, как с людьми, а теперь я вас раскусил! Нет! Россия еще долго будет пребывать в невежестве, ей далеко до равноправности! Я тебе доверил тройку лошадей, эта тройка потом очутилась в лесу... Где ты был! Нет! я напишу жалобу мировому посреднику, пускай тебя в волостной попотчуют! Ты что?

– Прикажете цепами молотить?

– Ну, конечно! конечно, цепами, почтенная голова! потому что если я выпишу двадцать пять машин, вы и те переломаете... так что же? Разумеется, цепами... вашими допотопными орудиями... Понимаете? Что ж стойте, чего ожидаете?

– Как быть, Захар Ильич...

– Что еще?

– Подвод никак не сыщешь; никто не едет по плохой погоде; говорят, нельзя.

– Ну, а что если эта погода продлится месяц? Я, по-вашему, целый месяц сиди без денег, а? Вот! прошу покорно: есть хлеб, есть, следовательно, капитал; но что же я сделаю с этим капиталом? он стоит себе под сараем! Вот это очень хорошо! Это показывает, что у нас в России должно сидеть у хлеба да без хлеба.

– Рабочие просят расчета, – сказал конторщик.

– Какие? за что?

– Стену клали.

– Как, уже за стену? позвать подрядчика.

– Жалованье, Захар Ильич, сделайте милость, – говорили повар, садовник и кучер, – ослобоните нас...

– Подождите же, наконец! ну, что ж я сделаю? Урожай плохие! да вон и хлеба есть, да что же мне делать, когда его не везут в город! ведь при вас говорил староста! Вы, голубчик, – обратился барин к входившему подрядчику, усердно крестившемуся на образ, – ка-

кое спрашиваете жалованье? вы когда у меня начали класть стену?

– Третьего дня.

– Сколько вы с меня взяли?

– Полтора ста целковых.

– Теперь позвольте вас спросить: разве за три дня берут где-нибудь сто пятьдесят рублей! Таких цен, любезный мой, и в Петербурге нет!

– Захар Ильич! Стену я мог даже скласть в день, – это мое дело! и вы мне должны заплатить сто пятьдесят рублей, уговор на то был! Извольте расчесть: я пятьдесят человек рабочих нанимал, им я должен заплатить!

– Во всяком случае, денег у меня теперь нет!

– Захар Ильич! – заныл снова явившийся староста.

– Что вам нужно?

– Как же прикажете с овсом-то? Он весь на рядах сопре!

– Пусть и преет!..

– Жалко, Захар Ильич!

– Ужалели! нечего сказать. Вы меня, господа, опять ужалели! – Захар Ильич поднялся.

Публика держала головы вниз.

– Можно войти? – спрашивал Захар Ильич, стоя у жениной спальни.

– Можно!

Барыня возлежала на кушетке с книгой в руках.

– Ну-с, сударыня, поздравляю вас с новостями.

– Какими это?

– Не сегодня, так завтра мы с вами останемся без куска хлеба. В имении идет бог знает что!.. да вот потрудитесь прочитать это письмо.

Письмо было от самого владельца Ямовки: «Потрудитесь выслать мне пять тысяч, – на днях я еду за границу. Надеюсь, вас это не стеснит, так как вы управляли моим имением целых три года и, вероятно, успели пожать плоды ваших трудов. Даже продайте что-нибудь незаложенное и, пожалуйста, пришлите мне деньги».

– Вот! вот вам дружба!.. он начинает требовать от меня отчета: это друзья!.. Как до денег коснется – все к черту! Нет! я вот что думаю: ехать в Москву и служить... это надежней.

Нет, Россия до-олго!..

– Делай, как знаешь! мне все равно...

– Конечно, служить! Завтра же еду! я здесь убил и здоровье и состояние...

Захар Ильич прошел в свой кабинет и велел позвать целовальника.

– Федор Петрович! одолжите мне денег. Урожай у меня, вы сами знаете, все время плохие, так что я потерпел убытку по крайней мере пять тысяч в последние два года. А чего мне стоило обзавестись хозяйством! И все это нимало не думало окупиться даже... Как продам хлеб, я вам возвращу.

– Сколько вам нужно?

– Рублей четыреста.

– Рублей полтораста я могу достать, попрошу у яблоновского приказчика, а у меня деньги все в обороте... вот луг снял, вперед дал семьсот рублей, – а когда их выручишь? Не раньше как по зиме... за клевер, рабочим, овец купил... все распущены. Полтораста рублей я вам добуду.

– Не найдете ли вы человека, который бы у меня купил, например, скот или строение какое-нибудь, экипажи... Я вам не сказывал?

я хочу уезжать! нет, батюшка, жить здесь порядочному человеку нельзя... Здесь не имеют ни малейшего понятия ни о чем! Сами посудите: я плачу деньги, тружусь, – а у меня нет хлеба!

– Я вам советовал, Захар Ильич, отдавать землю внаймы, и вы без всяких хлопот курили бы себе сигару да получали бы денежки, больше, нежели вы получаете теперь, обрабатывая землю сами.

– Я это понял! ну, да теперь уже поздно! Я поступлю на службу, и кончено: по крайней мере я буду спокоен! Так как же вы думаете, Федор Петрович?

– Я думаю, Захар Ильич, вряд ли кто у вас купит скотину... купят, да ведь за какую цену? а экипажи и строения никто не возьмет, это подлинно вам говорю: вон теперь озимовский барин, Короченский, Юбкин, Собакин – все продают, даже землю, так и то нет покупателей! денег ни у кого нет! А вы не продадите ли свой лесок? я бы охотника нашел.

– Лес я могу продать, он не заложен.

– Только дорогонько не кладите за него.

– Ах! кстати я вспомнил... Васька! позови

мне старосту! Послушай, любезный: объяви церковнослужителям и всему миру, что я не могу быть старостой церковным. Мне не до того! А вот предлагаю им вместо меня Федора Петровича... понимаешь? – Вы, Федор Петрович, согласны сколько-нибудь побыть церковным старостой?

– Отчего же? Богу потрудиться не мешает...

– Там, кажется, церковной суммы тысяча двести рублей... Я вам передам отчет, Федор Петрович. Вот еще что: так как я отсюда уеду, то оставлю вам в знак памяти все мои книги...

– Благодарю покорно, Захар Ильич.

Прошло еще два года. Барский двор давно опустел и зарос крапивой. Между тем в газетах объявлено было, что ямовское имение продается с публичного торгу и что желающие могут явиться на продажу. В числе желающих был и Федор Петрович.

Примечания

1

Моя дорогая (*фр.*).

[^^^]

2

Мой друг! (*фр.*).

[^^^]

3

Спасибо, спасибо! (*фр.*).

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Ратафия – пряная водка, ликер.

[^^^]

2

«*Странник*» – издававшийся с 1860 года журнал духовно-религиозного характера.

[^^^]

«Подводный камень» – роман М. В. Авдеева (1860), трактующий вопросы о «лишних людях» и о трагическом положении женщины в дворянском обществе.

[^^^]

[^^^]